

перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг евнухов проверить (исполнение приказа) и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела и такой смертью умер младенец”.

118. Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам де он рад, что все обошлось благополучно. “Я очень страдал, – сказал, между прочим, царь, – из за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть (ко мне) собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына (поиграть) к нашему «новопришедшему»(90) внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь”.

119. Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на верху блаженства оттого, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел (во дворец) к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь